

Глава 12. Отношения

Люди ордена Небесного Пути и впрямь до крайности опасались Цинь Уцзю.

Чтобы не спугнуть добычу и ещё раз всё проверить, они покинули город и разбили временный лагерь в лесной глуши. Ночь выдалась хмурой: тяжёлые тучи затянули небо, скрыв луну, и лишь редкие искры звёзд холодно мерцали в вышине.

Хотя за Цзянь Мянью никто не заступался, сбежать под надзором такой толпы было невозможно. Трезво оценив своё положение, юноша вёл себя как образцовый пленник — не шумел, не спорил и послушно устроился там, где ему указали, — у самого костра.

В лесу было зябко, ветер пробирал до костей. Цзянь Мянью берёт силы для побега, а потому сидел поближе к огню. Рядом с ним расположились несколько адептов ордена Небесного Пути. Одетые в белое, они сидели с опущенными веками, храня суровое молчание.

Любопытство Цзянь Мянью, однако, уже давно перехлестнуло через край. Ему отчаянно хотелось разузнать, какая кошка пробежала между Младшим шишу и этими людьми. Подавшись к сидевшему слева монаху с широким скуластым лицом, он спросил вкрадчиво:

— Брат, а за что мой... то есть, Цинь Уцзю так насолил главе вашего ордена?

Цзянь Мянью смотрел на него с таким искренним жадным интересом, что в отсветах рыжего пламени казался совсем юным и невинным. Глядя на его кроткий вид и помня, что этот парень — такая же жертва Цинь Уцзю, монах не стал проявлять суровость.

— Ты не знаешь? — удивился он.

Цзянь Мянью честно покачал головой.

— Дело вот в чём. Этот Цинь когда-то был учеником нашего ордена. Старый глава приветил его, души в нём не чаял и даже хотел сделать старейшиной. Кто же знал, что этот человек окажется таким алчным? Чтобы завладеть тайным сокровищем ордена, он вырезал всю семью главы, а под конец — обезумев окончательно — выставил голову покойного учителя на всеобщее позорище, повесив её на городской стене. Даже молодому главе он не пощадил ног — изувечил их навсегда.

Цзянь Мянью слушал, всё больше удивляясь. Обезглавливание, резня, увечья... Да уж, Младший шишу оказался куда свирепее, чем можно было представить. Однако следом пришло сомнение: разве Уцзю не из Павильона Чистого Ветра и Ясной Луны? Когда он успел вступить в орден Небесного Пути?

Впрочем, сейчас было не время копаться в его биографии, и Цзянь Мянью отбросил лишние

мысли.

— Молодой господин в ту пору охотился на демонов, — сокрушённо продолжал монах, — а когда вернулся, было уже слишком поздно.

— Неужели старый глава Шэнь не сделал ничего такого, что могло бы довести Цинь Уцзю до крайности? — осторожно поинтересовался Цзянь Мянью.

— Ты на что намекаешь? — монах мгновенно вскинулся и гневно сверкнул глазами. — Хочешь оправдать это отродье? Почему он так поступил? Да он злодей от рождения! Творил бесчинства просто потому, что такова его натура. Разве для этого нужны причины?

Цзянь Мянью понял, что сболтнул лишнего. У каждого своя правда, и каждый защищает тех, кто ему дорог. Он сам был таким же, и этот адепт — не исключение. В споре с тем, кто убеждён в своей правоте, юноша — всего лишь подневольный пленник — рисковал головой.

— Прости, я не то имел в виду, — поспешно примирительным тоном произнёс он. — Не сердчай, брат. Цинь Уцзю — истинный мерзавец, и поделом ему будет.

Монах, видя раскаяние юноши, поостыл.

— Старый глава был святым человеком. Он не только давал кров сиротам вроде нас, но и в голодные годы велел раздавать беднякам кашу и одежду. Ни в одном ордене, ни среди простого люда о нём слова дурного не слышали. В подгорье ему даже кумирню воздвигли, чтобы люди могли возжигать благовония в его честь. Такой человек должен был вознестись в небеса, а вместо этого...

Он замолчал, погрузившись в печаль. Цзянь Мянью тоже не проронил ни слова. Слышно было лишь, как потрескивают в огне сухие ветви.

Вороша хворостом угли, Цзянь Мянью хмурился, всерьёз озадаченный. Ситуация складывалась куда сквернее, чем он думал. Кровавая месть за истреблённый род — это не то, что можно уладить миром. Здесь пойдут до конца.

Прошло много времени. Монах, заметив удручённый вид Цзянь Мянью, решил, что парень просто напуган.

— Не бойся, — негромко подбодрил он. — Глава пришёл сюда, чтобы исполнить волю Небес и избавить мир от этой заразы. Будь с нами, и как только с Цинь Уцзю будет покончено, ты сможешь вернуться домой.

— Вот и славно, — выдавил Цзянь Мянью, изображая глубокую признательность. — Спасибо тебе, брат.

Остаток ночи прошёл спокойно. Едва забрезжил рассвет, Цзянь Мяня привели в главный шатёр. Шэнь Линьфэн — мужчина в белом — сидел во главе стола. Цзянь Мянй невольно скользнул взглядом по его ногам, но тут же отвёл глаза, стараясь казаться как можно незаметнее.

Вскоре явился лазутчик с донесением: к Цинь Уцзю действительно приходила женщина в красном, и они долго о чём-то совещались за закрытыми дверями. Подойти ближе шпионы не осмелились, боясь быть обнаруженными, так что содержание беседы осталось тайной.

Услышав это, Цзянь Мянй воспрял духом. Он был поражён упорством свахи: женщина относилась к своему делу серьёзнее, чем иные к спасению души. Явиться на работу в такую рань — вот это истинное рвение!

Появление свахи окончательно убедило всех в правдивости слов Цзянь Мянй. Подозрение и неприязнь в их взглядах сменились сочувствием. Сам же юноша, наблюдая за ними, понимал: эти люди, должно быть, не раз жестоко обжигались на Младшем шишу, раз их так легко удалось обвести вокруг пальца.

В шатре воцарилась тяжёлая тишина. Узнав, что Цинь Уцзю вовсе не беспомощен и что-то замышляет, адепты помрачнели ещё сильнее.

Цзянь Мянй, решив ковать железо, пока горячо, подал голос:

— Я... я могу помочь. Выведаю его планы, найду слабые места. Если нужно, я подсыплю ему в чай...

Шэнь Линьфэн поставил чашку на стол с резким стуком.

— Ордену Небесного Пути не пристало прятаться за спиной ребёнка, чтобы одолеть врага, — холодно отрезал он.

Цзянь Мянй испуганно втянул голову в плечи.

— Слушаюсь.

Квадратнолицый монах ободряюще похлопал его по плечу, безмолвно давая понять, что гнев главы направлен не на него. Цзянь Мянй вымученно улыбнулся. Мысленно же он молил об одном: «Раз уж вы такие гордые, так отпустите меня подобру-поздорову!»

Орден Небесного Пути был велик и славен, а потому Шэнь Линьфэн не желал принимать помощь со стороны. Он был намерен свершить месть своими руками. Но он не был безумцем и понимал, что против такого врага нужна чёткая стратегия. Пока старейшины обсуждали план нападения, Цзянь Мянй отвели в отдельный шатёр отдохнуть и перевязать раны.

Наконец улучив момент, Цзянь Мянью оглушил дежурного адепта, пришедшего сменить повязки. Быстро переодевшись в чужое платье, он незаметно выскользнул из лагеря и во весь дух помчался к городу.

***

Цзянь Мянью нёсся по улицам, не чуя под собой ног. Времени на то, чтобы входить через дверь, не было, и он просто перемахнул через забор. По дороге он уже всё решил: нужно хватать Младшего шишу в охапку и бежать как можно дальше в противоположную сторону. Адепты ордена здесь чужаки, и чем раньше они скроются, тем больше будет шансов выжить.

Однако, влетев в дом, он обнаружил, что сваха всё ещё здесь.

Дело было не терпящим отлагательств, и Цзянь Мянью, решив покончить с этим одним махом, ворвался в гостиную. Прямо с порога он выпалил, что жениться не собирается, а всё произошедшее — лишь нелепая ошибка: мол, он думал, что невесту ищут для его брата.

Но тётушку Хуа было не так-то просто спровадить.

— Ничего страшного, — ласково зашебетала она, — чувства придут со временем, стоит лишь поближе познакомиться. Ты хоть взглянул на портрет, что я прислала? Расчудесная девушка, скажу я тебе...

— Нет, — перебил её Цзянь Мянью, лихорадочно прикидывая время. — Мой брат слаб здоровьем, я должен ухаживать за ним. Негоже обременять собой хорошую девушку.

Сваха вопросительно посмотрела на Цинь Уцзю. Тот лишь усмехнулся:

— Мянью-эр просто стесняется, не принимайте близко к сердцу. Я вовсе не стану для него обузой.

Цзянь Мянью едва не задохнулся от ярости. Ну почему этот человек вечно вставляет палки в колёса! Неужели он не чувствует, как близко беда? Подойдя вплотную к Цинь Уцзю, юноша уставился на него тяжёлым, предупреждающим взглядом.

Уцзю окинул взглядом его одежду.

— Что это на тебе за наряд?

Цзянь Мянью промолчал.

Цинь Уцзю не стал допытываться. Он сидел, и чтобы смотреть на племянника, ему приходилось задирать голову, но даже так он ни в чём не уступал ему в стати. Видя ярость Цзянь Мян, Уцзю находил ситуацию забавной. Казалось, маленький шичжи и сам не замечал, что в присутствии шишу становится всё смелее. Слово разбалованный любимчик, который чувствует, что ему всё сойдёт с рук.

Да. Разбалованный любимчик. Цинь Уцзю мысленно похвалил себя за столь точное сравнение.

Цзянь Мян склонился к самому его уху, и слова его прозвучали как едва слышное шипение:

— Младший шишу, не зли меня.

Он действительно был в ярости, а это обычно не сулило ничего хорошего.

Цинь Уцзю лишь вскинул бровь: «И что же ты сделаешь?» По сравнению с тем мертвенным безразличием, что сковывало его при первой встрече, сейчас он выглядел куда более живым, но при этом — невыносимо заносчивым.

Цзянь Мян стиснул зубы. Да он просто издевается!

Сейчас было не до споров. Стоило адептам в лагере обнаружить пропажу, как ложь Цзянь Мян рассыплется в прах. Нужно бежать. Немедленно.

Юноша обернулся к свахе и выдавил из себя самую лучезарную улыбку. От этого взгляда, полного юношеского задора, сердце тётушки Хуа невольно ёкнуло. Будь она лет на двадцать помоложе, ни за что не упустила бы такого красавца.

— Эти дни вы славно потрудились, — проникновенно начал Цзянь Мян, — и я вам искренне благодарен. Но, право слово, не стоит так усердствовать. Видите ли...

Он изобразил на лице крайнее смущение.

— Ничего, — поощрила его сваха, — выкладывайте всё как есть, молодой господин. Мы что-нибудь придумаем.

Цзянь Мян решил. Зажмурившись, он выпалил:

— На самом деле мы вовсе не братья. Между нами... такие отношения.

Сваха замерла в недоумении. «Такие» — это какие?

Видя её растерянность, Цзянь Мянью, отчаянно махнув рукой на приличия, подался вперёд и звонко чмокнул Цинь Уцзю в щёку. Затем он отстранился и взглянул на неё в упор: «Теперь-то понятно?»

Тётушка Хуа потрясённо отшатнулась, словно перед ней разверзлась бездна. Она задрожала губами, она выдавила невнятное: «Простите за беспокойство» — и со всех ног бросилась прочь, точно спасаясь от чумы.

Проводив её взглядом, Цзянь Мянью шумно выдохнул. Но не успел он расслабиться, как за спиной раздался вкрадчивый голос Цинь Уцзю:

— А я и не знал, Мянью-эр, что у нас с тобой такие отношения.

Цзянь Мянью замер. Одной бедой меньше, но другая — куда более своенравная — всё ещё сидела перед ним.

— И когда же, позволь узнать, назначена наша свадьба? — в голосе Цинь Уцзю слышался неприкрытый смех. Его ничуть не задела дерзость юноши, напротив — он явно наслаждался его замешательством.

Цзянь Мянью почувствовал, как к лицу приливает жар. Мало того, что этот человек невыносим, так он ещё и не понимает серьёзности момента! О том, что он только что поцеловал мужчину, юноша старался не думать — сейчас это было неважно. Схватив Цинь Уцзю за запястье, он потянул его за собой:

— Шишу, скорее, уходим!

Договорить он не успел. Со двора донёлся испуганный вскрик свахи.

Цзянь Мянью вмиг помрачнел. Выпустив руку Уцзю, он выбежал из гостиной и замер на крыльце.

Ворота были распахнуты. Бедная тётушка Хуа лежала без чувств — её сбило волной мощной духовной энергии. А в самом центре двора, в инвалидном кресле, сидел тот самый мужчина в белом. Шэнь Линьфэн смотрел прямо на Цзянь Мянью, и его ледяной взгляд не сулил ничего, кроме скорой расправы.

Всё. Это конец.

Следом на крыльцо выехал Цинь Уцзю. Увидев незваного гостя, чьё лицо искажала люта я ненависть, он лишь слегка нахмурился и вопросительно взглянул на племянника.

Цзянь Мянью едва не зарыдал от обиды:

— Это не я его привёл! Шишу, он пришёл по твою душу!

Шэнь Линьфэн, чеканя каждое слово, процедил имя врага:

— Цинь Уцзю... Неужто ты меня не помнишь?

Ярость в его голосе была почти осязаемой.

Только тогда Уцзю удостоил его взглядом. Он держался небрежно и лениво, а слова его жалили больнее любого клинка:

— Моих врагов не счесть. Ты-то который из них?

<http://bllate.org/book/17489/1710732>